

Научная статья | Original paper

Роль воспринимаемой социально-психологической поддержки в психологическом благополучии вынужденных мигрантов

А.М. Букинич^{1,2,4} ✉, Л.А. Шайгерова¹, А.Г. Долгих^{1,2}, И.В. Султанова^{1,3}

¹ Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

³ Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация

⁴ Научно-практический центр детской психоневрологии Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Российская Федерация

✉ aleksey.bukinich@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Комплексные последствия вынужденной миграции приводят к необходимости всестороннего изучения факторов психологического благополучия мигрантов.

Цель. Оценить связь между компонентами психологического благополучия и выраженностью восприятия социально-психологической поддержки (ВП) у вынужденных мигрантов.

Основная гипотеза. Уровень ВП значимо связан с такими компонентами психологического благополучия, как позитивные эмоции и отношения.

Методы и материалы. В исследовании участвовали 200 вынужденных мигрантов, из них 75 женщин (23,5 ± 10,0 лет) и 125 мужчин (20,5 ± 5,2 лет), среди которых были выделены две крайние группы респондентов — с высоким и низким уровнями ВП (в каждой N = 51). Применялись краткий вариант Шкалы депрессии, тревожности и стресса (Logibond, Logibond, 1995), модифицированная методика Дембо-Рубинштейн (Шайгерова и др., 2019), Субъективная оценка удовлетворенности жизнью (Cantrill, 1965), модифицированная методика «Семантический дифференциал» (Молчанов, Алмазова, Поскрёбышева, 2023), Индекс дискриминации в повседневной жизни (Scheim, Bauer, 2019), Шкала одиночества (Russell, 1996), Многомерная шкала воспринимаемой социальной поддержки (Zimet et al., 1988), методики «Субъективная эффективность различных копинг-стратегий в повседневной жизни» (Шайгерова и др., 2024) и «Частота обращения за помощью к различным категориям людей» (Ушков и др., 2020).

Результаты. Респонденты с высоким уровнем ВП чаще обращались за помощью к близким людям, опирались на более широкий спектр копинг-стратегий, имели лучшие показатели эмоционального состояния и самооценки. Участники с низким уровнем ВП чаще обращались за помощью к представителям «вторичной группы» поддержки и опирались на деструктивные копинг-стратегии. Выявлено взаимодействие факторов пола и уровня ВП при анализе субъективной эффективности ряда копинг-стратегий.

Выводы. Уровень ВП у вынужденных мигрантов связан с компонентами психологического благополучия, что важно учитывать при разработке программ адаптации и ресоциализации в новых социокультурных условиях.

Ключевые слова: психологическое благополучие, вынужденная миграция, воспринимаемая социально-психологическая поддержка, эмоциональное состояние, отношения

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке проекта Минобрнауки России (соглашение № 075-15-2024-526).

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в оформлении статьи М.М. Букин.

Для цитирования: Букин, А.М., Шайгерова, Л.А., Долгих, А.Г., Султанова, И.В. (2026). Роль воспринимаемой социально-психологической поддержки в психологическом благополучии вынужденных мигрантов. *Социальная психология и общество*, 17(3), 33–51. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170303>

The role of perceived social support in the psychological well-being of forced migrants

A.M. Bukinich^{1,2,4} ✉, L.A. Shaigerova¹, A.G. Dolgikh^{1,2}, I.V. Sultanova^{1,3}

¹ Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

³ Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

⁴ The Scientific Research and Practical Center of Pediatric Psychoneurology of the Moscow Department of Healthcare, Moscow, Russian Federation

✉ aleksey.bukinich@mail.ru

Abstract

Context and relevance. The multiple consequences of forced migration lead to the need for a comprehensive study of the factors of psychological well-being of migrants.

Objective. To assess the relationship between psychological well-being and perceived social support (PSS) among forced migrants.

Hypothesis. PSS is significantly related to such well-being components as positive emotions and relationships.

Methods and materials. 75 women ($23,5 \pm 10,0$) and 125 men ($20,5 \pm 5,2$) participated in the study. Two extreme groups (each $N = 51$) were identified based on PSS level. We used a short version of Depression, Anxiety, and Stress Scales (Lovibond, Lovibond, 1995), Modified Dembo-Rubinstein Method (Shaigerova et al., 2019), Subjective Life Satisfaction Scale (Cantril, 1965), Modified Semantic Differential Method (Molchanov, Almazova, Poskrebysheva, 2023), Intersectional day-to-day discrimination Index (Scheim, Bauer, 2019), UCLA Loneliness Scale-3 (Russell, 1996), Multidimensional Scale of Perceived Social Support (Zimet et al., 1988), Subjective Effectiveness of Various Coping Strategies in Daily Life (Shaigerova et al., 2024), Frequency of Seeking Help from Various Categories of People (Ushkov et al., 2020).

Results. Respondents with high PSS were more likely to seek help from close individuals, relied on a wider range of coping strategies, and demonstrated better indicators of emotional state and self-esteem. Participants with a low PSS were more likely to seek help from members of a “secondary support group”, relied on maladaptive coping strategies. An interaction effect between gender and PSS was found in subjective effectiveness of certain coping strategies.

Conclusions. PSS level is related to components of psychological well-being among forced migrants, which is essential in developing programs for adaptation and resocialization in a new sociocultural environment.

Keywords: psychological well-being, forced migration, perceived social support, emotional states, relationship

Funding. The study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (the research project 075-15-2024-526).

Acknowledgements. The authors express their gratitude to M.M. Bukinich for assistance in the preparation of the manuscript.

For citation: Bukinich, A.M., Shaigerova, L.A., Dolgikh, A.G., Sultanova, I.V. (2026). The role of perceived social support in the psychological well-being of forced migrants. *Social Psychology and Society*, 17(3), 33–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170303>

Введение

В ситуации вынужденной миграции люди сталкиваются с трудностями, вызванными необходимостью адаптироваться к новым условиям жизни, что сказывается на их физическом и психическом здоровье и благополучии. Показано, что вынужденные мигранты демонстрируют повышенный уровень депрессии и тревожности, а также сниженный уровень удовлетворенности жизнью (Dangmann, Solberg, Andersen, 2021; Handiso et al., 2024; Leiler et al., 2019).

В связи с продолжающимся во всем мире ростом миграционных потоков из зон военных конфликтов необходимо исследование факторов психологического благополучия вынужденных мигрантов с целью разработки комплекса мер, облегчающих адаптацию, ресоциализацию и снижающих риск развития ПТСР (Girardi, Modesti, Del Casale, 2023).

При разработке реабилитационных подходов и мер профилактики негативных эмоциональных состояний требуется наряду с факторами риска выявлять индивидуальные и средовые ресурсы, одним из которых может выступить социально-психологическая поддержка, значимость которой в различных жизненных ситуациях подчеркивается во многих исследованиях (Böge et al., 2020; Kryukova et al., 2019; Renner et al., 2021). Исследования демонстрируют связь между поддержкой от значимых людей и семьи и выраженностью позитивных эмоций (Acoba, 2024; Pierce et al., 2019). Наряду с реальной или получаемой социальной поддержкой важна воспринимаемая поддержка, под которой понимается субъективное убеждение индивида в доступности или адекватности помощи со стороны окружения (Lakey, Orehek, 2011). Отмечается, что вклад воспринимаемой поддержки в

психологическое благополучие индивида более значим в повседневном и долгосрочном контексте, тогда как получаемая поддержка особенно важна в конкретных ситуациях (Thoits, 2011).

Показана роль поддержки со стороны семьи, друзей и значимых близких в сохранении высокого уровня удовлетворенности жизнью (Khatiwada et al., 2021), а также в более быстром восстановлении психического здоровья (Doma et al., 2022) у мигрантов.

В числе индивидуальных факторов адаптации выделяют восприятие индивидом себя и окружающего мира. Так, позитивный взгляд на прошлое и будущее даже при наличии сложностей в настоящем поддерживает веру в лучшее и позволяет справляться с трудностями (Baird et al., 2021), а надежда на улучшение ситуации в будущем способствует поддержанию конструктивной деятельности в настоящем (Lewin, 1997). Показано также, что сбалансированная временная перспектива связана с более высокими уровнями оптимизма, счастья и осознанности (Drake et al., 2008).

Кроме того, субъективная удовлетворенность жизнью прямо коррелирует с качеством межличностных отношений (Diener, Oishi, Tay, 2018), что согласуется с одной из наиболее признанных моделей психологического благополучия — моделью «PERMA» М. Селигмана (Seligman, 2011), где ключевая роль в психологическом благополучии отводится взаимоотношениям с другими. Эта модель, а также два ее центральных компонента — позитивные эмоции и межличностные отношения — выступили теоретико-методологической основой настоящего исследования.

Целью исследования стало изучение взаимосвязи между такими компонентами

психологического благополучия, как позитивные эмоции и межличностные отношения, с одной стороны, и факторами воспринимаемой поддержки для выявления уязвимых и ресурсных аспектов состояния вынужденных мигрантов — с другой. Для акцентирования качественной специфики состояния респондентов в итоговый анализ были включены две крайние группы — с высоким уровнем и низким уровнем воспринимаемой поддержки (ВП).

Были выдвинуты следующие гипотезы:

— уровень ВП значимо связан с ключевыми компонентами психологического благополучия — позитивными эмоциями (в широком смысле — эмоциональным состоянием) и межличностными отношениями;

— вынужденные мигранты с высоким уровнем и низким уровнем ВП опираются на различные копинг-стратегии и обращаются к разным источникам социальной поддержки;

— показатели психологического благополучия вынужденных мигрантов связаны с гендерным фактором.

Материалы и методы

Участники исследования. В исследовании приняли участие 200 мигрантов из зон боевых действий, проживающих на новом месте от нескольких месяцев до 3 лет, среди которых 75 женщин (средний возраст — $23,5 \pm 10$ лет) и 125 мужчин (средний возраст — $20,5 \pm 5,2$ лет). Из участников исследования 164 человека (82%) обучались, 25 (12,5%) работали на полной занятости, 17 (8,5%) — на неполной занятости. 143 респондента (71,5%) не состояли в браке, 21 человек (10,5%) находился в браке, менее 5% респондентов были разведены. 24 респон-

дента (12%) проживали вместе со своими детьми. Все респонденты подписывали добровольное информированное согласие на участие в исследовании.

Методики. В соответствии с двумя компонентами психологического благополучия модели «PERMA» (Seligman, 2011) в исследовании использовались два блока методик.

Первый блок направлен на оценку эмоционального состояния. В него включены Шкала депрессии, тревожности и стресса (Depression Anxiety Stress Scales, DASS-21) (Lovibond, Lovibond, 1995), модифицированная Методика Дембо-Рубинштейн (Шайгерова и др., 2019), Субъективная оценка удовлетворенности жизнью (однопунктовая шкала) по типу «Лестницы Кантрилла» (Cantrill, 1965; Levin, Currie, 2014) по шкале от 0 (абсолютно не удовлетворен) до 10 (полностью удовлетворен), модифицированная методика «Семантический дифференциал» (Молчанов, Алмазова, Поскрёбышева, 2023), по итогам которой вычислялись шкалы валентности и сложности окружающего мира (подобный прием см. в (Шайгерова и др., 2024)).

Второй блок методик позволяет оценивать отношения респондентов с другими людьми. В него включены Индекс дискриминации в повседневной жизни (InDI-D) (Scheim, Bauer, 2019), Шкала одиночества (UCLA Loneliness Scale-3) (Russell, 1996), Многомерная шкала воспринимаемой социальной поддержки (Multidimensional Scale of Perceived Social Support, MSPSS) (Zimet et al., 1988; Шайгерова, Алмазова, Долгих, 2025), Субъективная эффективность различных копинг-стратегий в повседневной жизни (Шайгерова и др., 2024). С целью более точной дифферен-

циации источников поддержки у респондентов по сравнению с MSPSS использовалась методика «Частота обращения за помощью к различным категориям людей» (Ушков и др., 2020).

Замысел исследования состоял в сравнении вынужденных мигрантов с высоким уровнем и низким уровнем ВП. Были выделены крайние группы, составляющие нижние и верхние 25% выборки по уровню ВП. Критерию выделения крайних групп по верхнему и нижнему квартилям было отдано предпочтение в связи с асимметричностью распределения переменной ВП (о применении данного приема см., например, (Fisher et al., 2020; Wilcox et al., 2014)). Выделение групп в целом относительно выборочного распределения обусловлено отсутствием нормативных данных для используемой версии методики на релевантных репрезентативных выборках.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программного обеспечения Jamovi версии 2.7.6 и Microsoft Office Excel 2016. Для выделения обобщенных групп копинг-стратегий и источников поддержки был применен эксплораторный факторный анализ (ЭФА) с вращением Варимакс. Анализ различий между группами респондентов с высоким и низким уровнями ВП проводился с использованием Т-критерия Стьюдента для независимых выборок и U-критерия Манна-Уитни в случае, когда зависимая переменная измерялась в претендующей на интервальную шкалу (подробнее прием совмещения параметрического и непараметрического тестов см. в (Корнеев, Кричевец, 2011)). Критерий Фридмана в рамках дисперсионного анализа с повторными измерениями применялся для оценки результатов по методике «Семантиче-

ский дифференциал». Данную методику, содержащую два фактора, при соблюдении требований к данным продуктивно было бы анализировать двухфакторным дисперсионным анализом с повторными измерениями (ПИ-ДДА), однако требования нормальности распределения были нарушены. Поэтому предварительный анализ проводился с использованием ПИ-ДДА, а в статье сообщаются комплиментарные по результатам, но более соответствующие особенностям данных результаты непараметрического аналога дисперсионного анализа, сопровождаемого парными сравнениями между группами с низкой и высокой ВП (корректировка по критическому уровню значимости сделана и описана в результатах). Схожая логика реализовывалась и для проверки эффекта (связи) факторов ВП и пола на исследуемые показатели. Предварительная обработка данных включала двухфакторный дисперсионный анализ (ДДА), однако в статье приводятся результаты его частичного воспроизведения при помощи непараметрических парных сравнений с корректировкой уровня значимости.

Результаты

В среднем по выборке уровень ВП составил $16,75 \pm 3,65$ баллов. ВП от семьи составила $5,70 \pm 1,42$ балла, от друзей — $5,44 \pm 1,37$ балла и от значимых других — $5,61 \pm 1,44$ балла (из 7 возможных). Также приведем средние показатели депрессии ($3,69 \pm 4,54$), тревожности ($3,11 \pm 4,47$), стресса ($4,58 \pm 4,83$), индекса дискриминации ($11,82 \pm 3,44$) и уровня одиночества ($4,01 \pm 1,51$).

Для более четкого анализа роли ВП в психологическом благополучии по суммарному баллу MSPSS выделены две

крайние группы респондентов. В одну из них вошел 51 человек (25%) с самыми низкими баллами: от 3 до 15 в сумме по шкале. В группе 16 женщин (средний возраст — $22,31 \pm 5,90$ лет) и 35 мужчин (средний возраст — $21,41 \pm 6,84$ лет). Во вторую группу вошел 51 человек (25%) с самыми высокими баллами: от 19,5 до 21, в числе которых 20 женщин (средний возраст — $26,75 \pm 12,19$ лет) и 31 мужчина (средний возраст — $19,42 \pm 2,05$ лет).

ЭФА с целью выделения групп источников поддержки позволил выделить два фактора (Приложение А, табл. А1). В первый вошли родители, близкие родственники, супруги, друзья и коллеги. Второй включает врачей, психологов, социальных работников, священнослужителей, случайных знакомых, представителей власти. Источники поддержки четко разделились на «первичную» и «вторичную» группы (Thoits, 2011).

Респонденты с высоким уровнем ВП по сравнению с респондентами с низким уровнем ВП существенно чаще обращаются за поддержкой к первичным источникам ($0,59 \pm 0,82$ при высокой ВП и $-0,64 \pm 0,87$ при низкой; $t(100) = 7,37$, $p < 0,001$; $U = 381,5$, $p < 0,001$; d Коэна = 1,46) и реже к вторичным ($-0,14 \pm 0,94$ при высокой ВП и $0,21 \pm 0,94$ при низкой; $t(100) = -1,91$, $p = 0,060$; $U = 1010,5$, $p = 0,053$; d Коэна = $-0,38$).

Также с помощью ЭФА среди копинг-стратегий респондентов были выделены 4 фактора с собственными значениями более 1 (табл. 1). Первый фактор (конвенциональные стратегии) составили такие копинги, как общение с друзьями, просмотр новостей в интернете, чтение книг и журналов, взаимодействие с домашними животными, музыка и сон. Во

второй фактор (стратегии активного времяпрепровождения) вошли погружение в работу или учебу, занятия спортом и прогулки. Третий фактор (деструктивные копинги) представлен употреблени-

ем алкоголя и курением при негативном вкладе общения с семьей. В четвертый фактор (копинг-потребление) вошли еда, просмотр фильмов и сериалов и прослушивание музыки.

Таблица 1 / Table 1

Обобщенные способы совладания со стрессом, выделенные среди конкретных копинг-стратегий, используемых мигрантами
Generalized ways of coping with stress, identified among specific coping strategies used by migrants

Копинг-стратегии / Coping strategies	Фактор / Factor			
	1	2	3	4
	Конвенциональные стратегии / Conventional strategies	Активное времяпрепровождение / Active leisure activities	Деструктивные стратегии / Destructive strategies	Копинг-потребление / Coping consumption
Общение с семьей / Communication with family	0,44	0,21	-0,36	0,20
Общение с друзьями / Communication with friends	0,63	0,17	-0,10	0,10
Просмотр новостей в интернете / Browsing news online	0,44	0,30	0,01	0,28
Чтение книг, журналов / Reading books and magazines	0,43	0,32	0,03	0,03
Домашние животные / Pets	0,41	0,20	-0,02	0,23
Погружение в работу, учебу / Immersion in work or study	0,18	0,72	-0,05	0,07
Алкоголь / Alcohol	0,01	0,04	0,91	-0,08
Курение / Smoking	-0,11	-0,09	0,75	0,10
Еда / Food	-0,01	0,15	0,13	0,50
Спорт / Sports	0,26	0,43	-0,03	0,28
Прогулки / Walk	0,33	0,54	-0,10	0,34
Фильмы, сериалы / Movies, TV-shows	0,19	0,21	-0,06	0,70
Музыка / Music	0,39	-0,01	-0,05	0,51
Сон / Sleep	0,31	-0,03	-0,14	0,37

Примечание: приводятся факторные нагрузки для каждой из копинг-стратегий после вращения Варимакс. Полужирным шрифтом выделены копинг-стратегии, содержательно конституирующие каждый из факторов.

Note: the factor loadings for each coping is presented following Varimax rotation. Copings defining the essence of each factor are in bold.

У респондентов с высоким уровнем ВП существенно чаще преобладали конвенциональные копинг-стратегии (фактор 1; при высоком уровне ВП $0,48 \pm 0,62$, при низком $-0,54 \pm 0,85$; $t(91,24) = 6,92$, $p < 0,001$; $U = 456$, $p < 0,001$; d Коэна = 1,37); в средней степени чаще — активное времяпрепровождение (фактор 2; при высоком уровне ВП $0,21 \pm 0,70$, при низком $-0,19 \pm 0,86$; $t(100) = 2,63$, $p = 0,010$; $U = 910$, $p = 0,009$; d Коэна = 0,52) и стратегии, связанные с потреблением (фактор 4; при высоком уровне ВП $0,16 \pm 0,88$, при низком $-0,30 \pm 0,88$; $t(100) = 2,63$, $p = 0,010$; $U = 897$, $p = 0,007$; d Коэна = 0,52). Респонденты с низким уровнем ВП в средней степени чаще опирались на деструктивные стратегии (фактор 3; при

высоком уровне ВП $-0,22 \pm 0,81$, при низком $0,42 \pm 1,13$; $t(100) = -3,31$, $p = 0,001$; $U = 726$, $p < 0,001$; d Коэна = $-0,66$).

На следующем шаге оценивалась связь между уровнем ВП и показателями эмоционального состояния (табл. 2).

В группе с низким уровнем ВП в среднем значимо выше показатели депрессии, тревожности, стресса, индекса дискриминации и переживания одиночества.

Группы респондентов с высоким уровнем и низким уровнем ВП показали различные результаты по методике «Семантический дифференциал». Методика анализировалась совокупностью из 5 применений непараметрических тестов (2 вычисления по критерию Фридмана и 3 парных сравнения), заменяющих ДДА с повторными измерениями, поэтому

Таблица 2 / Table 2

Связь уровня ВП и показателей эмоционального состояния
The relationship between the level of PSS and indicators of emotional state

Показатель / Indicator	Высокий уровень ВП / High Level of PS ($M \pm SD$)	Низкий уровень ВП / Low Level of PS ($M \pm SD$)	T-критерий Стьюдента / Student t -test	Критерий Манна-Уитни / Mann-Witney U -test
Депрессия / Depression	1,73±3,30	6,80±5,66	$t = -5,54$, $p < 0,001$, d Коэна / Cohen's $d = -0,11$	$U = 583$, $p < 0,001$
Тревожность / Anxiety	1,78±3,27	5,49±5,81	$t = -3,971$, $p < 0,001$, d Коэна / Cohen's $d = -0,79$	$U = 797,5$, $p < 0,001$
Стресс / Stress	2,82±4,04	7,29±5,90	$t = -4,46$, $p < 0,001$, d Коэна / Cohen's $d = -0,88$	$U = 695$, $p < 0,001$
Индекс дискриминации / Discrimination Index	10,29±2,18	13,67±4,29	$t = -5,01$, $p < 0,001$, d Коэна / Cohen's $d = -0,991$	$U = 673$, $p < 0,001$
Одиночество / Loneliness	3,65±1,40	4,90±1,79	$t = -3,99$, $p < 0,001$, d Коэна / Cohen's $d = -0,781$	$U = 695,5$, $p < 0,001$

граничный уровень значимости для принятия альтернативной гипотезы снижен до $0,05/5 = 0,01$. Результаты анализа методики по шкале интегральной валентности представлены на рис. 1. Мигранты с низким уровнем ВП не демонстрируют различий в восприятии валентности мира ($\chi^2(2) = 0,88, p = 0,64$). Мигранты с высоким уровнем ВП видят мир в будущем лучшим, чем мир в настоящем момент (эффект фактора «время оценки валентности мира» значим $\chi^2(2) = 10,01, p = 0,007$; между упомянутыми группами значимое различие по критерию Дарбина-Коновера — $p = 0,001$). При этом при сопоставимых представлениях о валентности мира в прошлом ($t(87,53) = 0,93, p = 0,355; U = 1135; p = 0,268$) и настоя-

щем ($t(98,22) = 2,37, p = 0,020; U = 965; p = 0,025$) респонденты в зависимости от уровня ВП по-разному воспринимают мир в будущем ($t(98,33) = 4,77, p < 0,001; U = 689, p < 0,001$): будущее кажется более позитивным мигрантам с высоким уровнем ВП.

Также респонденты с низким уровнем ВП видят мир в прошлом значимо более простым, чем мир в настоящем и в будущем ($\chi^2(2) = 13,84, p < 0,001$; по критерию Дарбина-Коновера различия значимы между восприятием мира в прошлом и в будущем ($p = 0,008$), а также между восприятием мира в прошлом и в настоящем ($p < 0,001$)). Респонденты с высоким уровнем ВП видят мир в настоящем более сложным, чем мир в про-

Валентность мира / World valence

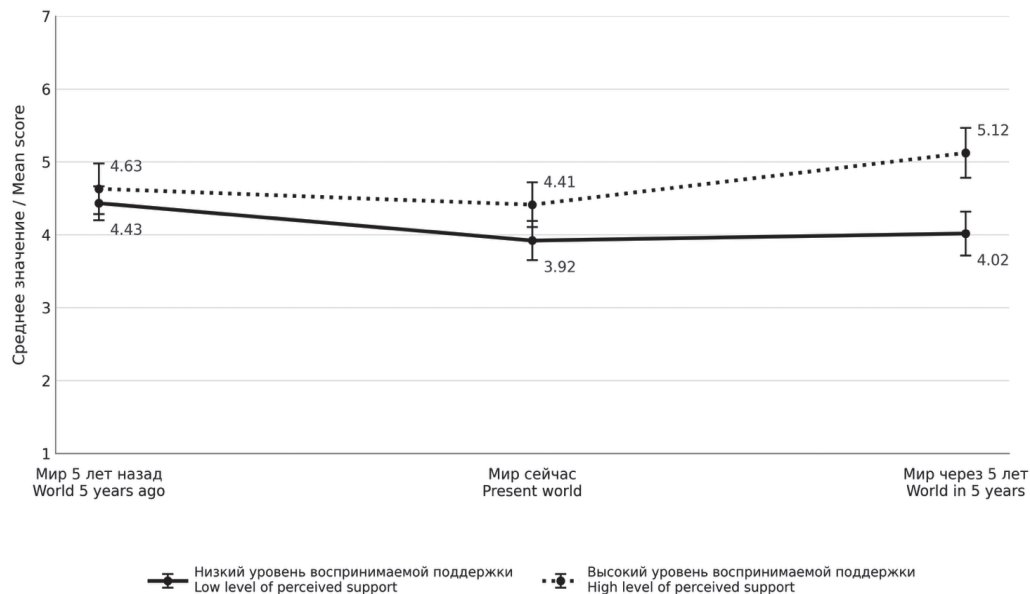

Рис. 1. Валентность мира у мигрантов с высоким и низким уровнями ВП
Fig. 1. The valence of the world among migrants with high and low levels of PSS

шлом и мир в будущем ($\chi^2(2) = 12,33$, $p = 0,002$; по критерию Дарбина-Коновера различия значимы между восприятием мира в настоящем и мира в прошлом ($p = 0,011$), а также мира в настоящем и мира в будущем ($p < 0,001$)). Восприятие мира в будущем субзначимо (согласно критической отметке в $p = 0,01$) различалось у мигрантов с высоким уровнем и низким уровнем ВП: респонденты с высоким уровнем ВП видят мир в будущем несколько более простым ($t = -2,35$, $p = 0,021$; $U = 951$, $p = 0,016$) (рис. 2).

При этом на всей выборке обнаружено то, что мир в настоящем воспринимается мигрантами менее позитивным ($\chi^2(2) = 33,61$, $p < 0,001$) и более сложным ($\chi^2(2) = 49,75$, $p < 0,001$), чем мир в про-

шлом и мир в будущем (везде значимость различий по критерию Дарбина-Коновера по валентности и сложности $p < 0,001$).

В зависимости от уровня ВП выявились различия в самооценке и уровне удовлетворенности жизнью (табл. 3).

При высоком уровне ВП респонденты демонстрируют лучшие по сравнению с другой группой показатели по всем категориям самооценки, а также более высокие показатели удовлетворенности жизнью.

Путем сочетания парных сравнений с поправкой на их количество, равное 6, поскольку попарно сравнивались 4 группы, ($0,05/6 = 0,008(3)$) как частичной непараметрической альтернативы предварительно проведенному ДДА, была

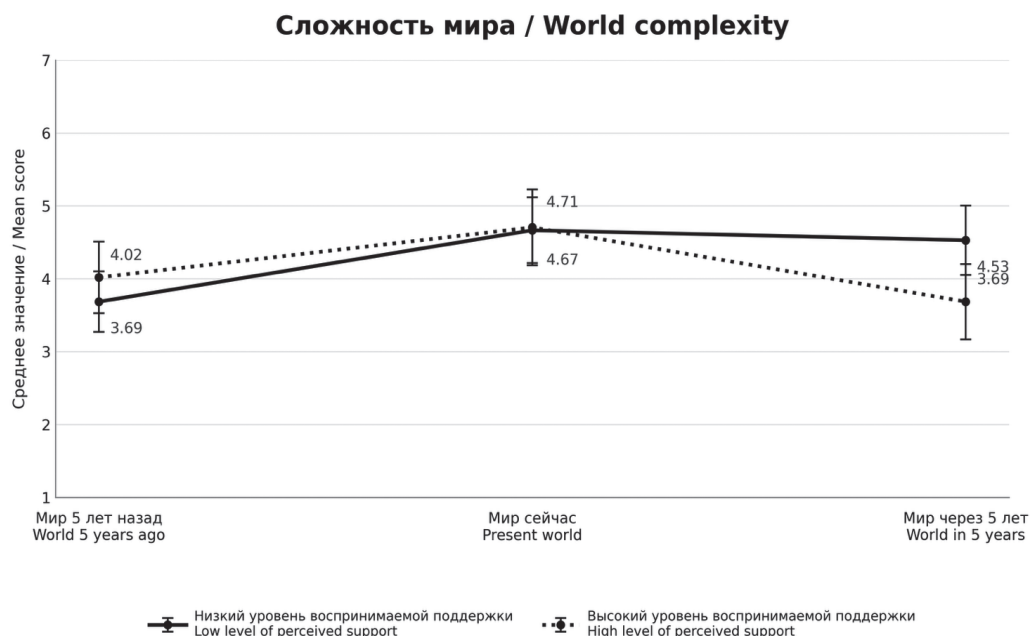

Рис. 2. Восприятие сложности мира у мигрантов с высоким и низким уровнем ВП
Fig. 2. Perception of world complexity among migrants with high and low levels of PSS

Таблица 3 / Table 3

**Связь между уровнем ВП и самооценкой по модифицированной методике
Дембо-Рубинштейн и субъективной оценке удовлетворенности жизнью
The relationship between the level of PSS and self-esteem (the modified
Dembo-Rubinstein method), and Subjective life satisfaction scale**

Показатель / Indicator	Высокий уровень ВП / High Level of PSS ($M \pm SD$)	Низкий уровень ВП / Low Level of PSS ($M \pm SD$)	T-критерий Стьюдента / Student t -test	Критерий Манна- Уитни / Mann- Witney U test
Счастье / Happiness	8,22±1,40	6,08±1,91	$t = 6,45, p < 0,001,$ d Коэна / Cohen's $d = 1,28$	$U = 489,$ $p < 0,001$
Защищенность / Safety	7,71±1,90	5,94±2,17	$t = 4,37, p < 0,001,$ d Коэна / Cohen's $d = 0,87$	$U = 689,5,$ $p < 0,001$
Успех / Success	7,30±1,76	5,63±2,19	$t = 4,24, p < 0,001,$ d Коэна / Cohen's $d = 0,84$	$U = 716,$ $p < 0,001$
Ум / Intelligence	7,53±1,57	5,98±2,11	$t = 4,21, p < 0,001,$ d Коэна / Cohen's $d = 0,83$	$U = 776,5,$ $p < 0,001$
Здоровье / Health	7,60±1,77	6,37±2,31	$t = 2,94, p = 0,004,$ d Коэна / Cohen's $d = 0,58$	$U = 901,5,$ $p < 0,001$
Удовлетворенность жизнью / Life Satisfaction	8,08±1,71	6,92±2,21	$t = 2,96, p = 0,004,$ d Коэна / Cohen's $d = 0,59$	$U = 894,5,$ $p < 0,001$

выявлена специфическая связь исследуемых показателей с показателями уровня ВП и полом (показавшие исследуемую связь результаты парных сравнений приводятся в Приложении А, табл. А2).

При высоком уровне ВП мужчинам чаще помогает спорт (средние значения $2,70 \pm 1,46$ у женщин и $4,00 \pm 1,16$ у мужчин), а при низком уровне ВП нет отличий по полу (средние значения $3,25 \pm 1,48$ у женщин и $3,11 \pm 1,35$ у мужчин). Также мужчинам при высоком уровне ВП чаще помогает спорт по сравнению с мужчинами с низким уровнем ВП. Упоминание прогулок более характерно для мужчин и женщин при высоком уровне ВП, чем

для мужчин (но не женщин) при низком. При этом по полу различий нет как при высоком (средние значения у женщин $4,05 \pm 1,05$, у мужчин — $4,39 \pm 0,92$), так и при низком уровне ВП (средние значения $3,50 \pm 1,37$ у женщин и $2,97 \pm 1,38$ у мужчин). Мужчинам с низким уровнем ВП реже помогает сон ($3,00 \pm 1,37$), чем мужчинам с высоким уровнем ВП ($4,23 \pm 1,15$) и женщинам с низким уровнем ВП ($4,25 \pm 1,13$) и высоким уровнем ВП ($4,45 \pm 0,76$). Мужчины с высоким уровнем ВП ($3,77 \pm 1,20$) чаще женщин с высоким уровнем ВП ($2,80 \pm 1,11$), низким уровнем ВП ($2,25 \pm 1,34$) и мужчин с низким уровнем ВП ($2,60 \pm 1,12$) прибегают к

просмотру новостей в интернете. Женщины с высоким уровнем ВП ($3,70 \pm 0,57$) чаще обращаются к супругам по сравнению с женщинами с низким уровнем ВП ($2,31 \pm 1,14$) и по сравнению с мужчинами с высоким уровнем ВП ($2,77 \pm 1,23$) и с низким ($2,34 \pm 1,19$) уровнем ВП.

На выборке в целом проявилась связь двух обобщенных групп копингов с полом. Для мужчин более характерна опора на деструктивные копинги и активное времяпрепровождение ($0,10 \pm 0,98$ и $0,10 \pm 0,78$ соответственно), чем для женщин ($-0,16 \pm 0,82$ и $-0,20 \pm 0,79$ соответственно): для деструктивных копингов $t(198) = -1,92, p = 0,056; U = 3769,5, p = 0,021$; для активного времяпрепровождения $t(198) = -2,36, p = 0,020; U = 3728,5, p = 0,016$.

Обсуждение результатов

В исследовании оценивалась специфика таких компонентов психологического благополучия, как позитивные эмоции и межличностные отношения (Seligman, 2011), в связи с уровнем ВП у вынужденных мигрантов. Хотя в среднем принявшие участие в исследовании мигранты не отличаются по уровню ВП от нормативного уровня (Zimet et al., 1988), выделение групп с разным уровнем ВП выявило различия в эмоциональном состоянии, субъективной оценке эффективности копинг-стратегий и обращении к источникам поддержки. В согласии с имеющимися работами (Doma et al., 2022; Khatiwada et al., 2021) показано, что у вынужденных мигрантов уровень поддержки связан как с позитивными эмоциями (в широком смысле — эмоциональное состояние), так и с межличностными отношениями.

Различия в частоте обращения к двум типам источников поддержки показали, что мигранты с высоким уровнем ВП существенно чаще обращаются за помощью к первичным источникам поддержки, а с низким уровнем ВП — скорее к группам вторичной поддержки. Вероятно, мигранты, не имеющие возможности компенсировать нехватку поддержки от близких, чаще ищут помощь среди посторонних, которые не всегда располагают ресурсами для оказания помощи незнакомцам, что не позволяет восполнить дефицит социально-психологической поддержки. Эта разница может являться ключом к объяснению различий между исследуемыми группами по целому ряду показателей.

Мигранты с высоким уровнем ВП чаще опираются на конвенциональные копинг-стратегии, активное времяпрепровождение и стратегии, связанные с потреблением, а респонденты с низким уровнем ВП чаще считают эффективными для себя копинг-стратегии, которые носят деструктивный характер, такие как употребление алкоголя и курение. К тому же они, по-видимому, дистанцируются от общения с членами семьи, учитывая отрицательную факторную нагрузку соответствующего показателя. Такой результат может говорить о том, что при отсутствии необходимой поддержки доступные деструктивные копинг-стратегии заменяют собой другие способы совладания. Отметим, что респонденты с высоким уровнем ВП не только чаще опираются на копинг-стратегии, связанные с общением, но и на стратегии, потенциально подразумевающие пребывание в одиночестве, такие как просмотр фильмов, прослушивание музыки, сон. Можно предположить, что

вынужденные мигранты с высоким уровнем ВП в целом адаптировались в новых условиях. При этом данные результаты не позволяют утверждать, что поддержка выступает причиной успешной адаптации. Она скорее выступает фактором, который позволил нам выявить специфику состояния индивида в ситуации вынужденной миграции.

Соответствующий в среднем нормативным значениям уровень ВП среди респондентов согласуется с тем, что в среднем по выборке показатели уровней депрессии, тревожности, стресса, индекса дискриминации и уровня одиночества также не выходят за границы нормы (Золотарева, 2020; Crawford, Henry, 2003), тогда как показатели депрессии, тревожности и стресса в группе респондентов с низким уровнем ВП превышают нормативные значения. Выявленные различия между группами респондентов с высокими и низкими показателями ВП проявились в худшем эмоциональном состоянии мигрантов с низким уровнем ВП. Полученные данные согласуются с результатами других исследований (Acoba, 2024; Böge et al., 2020; Kryukova et al., 2019; Renner et al., 2021) и общим представлением о том, что состояние мигрантов с высоким уровнем ВП соответствует условно нормативному уровню благополучия человека. В то же время мигранты с низким уровнем ВП демонстрируют признаки психологического неблагополучия, включая проблемы в отношениях с другими людьми в целом.

Что касается связи восприятия самих себя и окружающего мира с уровнем ВП, было показано, что самооценка мигрантов с низким уровнем ВП затронута больше, чем у респондентов с высоким уровнем

ВП. В том, что касается временной перспективы, во всей выборке мир в настоящем воспринимается значимо более негативно, чем мир в прошлом и в будущем. Мир сегодня представляется респондентам хуже и сложнее, чем пять лет назад и через пять лет. Такой результат согласуется с ранее полученными данными в исследовании с участием матерей детей с расстройством аутистического спектра, также находящимися в ситуации вынужденной миграции (Шайгерова и др., 2024), и может быть связан с внешними обстоятельствами, которые воздействуют на жизнь вынужденных мигрантов в последние годы и послужили причиной их переезда. Выявленные различия заключаются в том, что мигранты с низким уровнем ВП видят мир в прошлом более простым, а мигрантам с высоким уровнем ВП мир в будущем видится более позитивным и простым, чем в настоящем.

Проведенный анализ различий между мужчинами и женщинами выявил более стабильное эмоциональное состояние у мужчин, что проявилось в более низком уровне стресса и более высокой удовлетворенности жизнью — результаты, согласующиеся с данными предыдущих исследований, свидетельствующих о том, что в ситуации вынужденной миграции женщины более подвержены ухудшению эмоционального состояния (Handiso et al., 2024).

Различия между мужчинами и женщинами выявлены и в использовании ресурсов. Так, для женщин эффективными способами совладания являются прогулки, сон и эмоциональная поддержка со стороны супругов, а для мужчин — просмотр новостей, что может указывать на их стремление контролировать ситуацию посредством когнитивной ориентировки.

Интерес представляет взаимодействие пола и уровня ВП в том, что касается занятий спортом. У мужчин с высоким уровнем ВП спорт эффективен чаще, чем у женщин с высоким уровнем ВП, и чем у представителей обоих полов при низком уровне ВП (на низком уровне ВП гендерные различия не выявлены). Прогулки как продуктивный копинг чаще упоминают мужчины или женщины с высоким уровнем ВП, чем мужчины с низким уровнем ВП. Совокупно с другими данными можно предположить, что женщины с высоким уровнем ВП опираются преимущественно на связи с близкими людьми, в первую очередь с супругом, а также восстанавливают свои ресурсы посредством сна или прогулки, в то время как мужчины с высоким уровнем ВП не склонны прибегать к общению с близкими как способу совладания со стрессом, что может быть связано с гендерными стереотипами, но используют в целом полезные для здоровья, неdestructивные копинги. А при низком уровне ВП неdestructивные копинги, в частности, сон и прогулки, более характерны для женщин (хотя и не в очень значительной степени), тогда как у мужчин с низким уровнем ВП предпочтение конструктивных копинг-стратегий не наблюдается, что может повышать вероятность опоры на destructive копинги. Отметим, что более частое предпочтение мужчинами destructive копингов обнаружено только на выборке в целом (возможно, в связи с небольшой мощностью исследования в случае рассмотрения только крайних групп).

Заключение

В исследовании показана связь фактора воспринимаемой поддержки с показателями психологического благополучия

вынужденных мигрантов. Ощущение поддержки от разных источников является важным условием психологического благополучия как интегральной характеристики, отражающей состояние индивида в ситуации вынужденной миграции, в том числе в случае недостатка социальных связей. В частности, установлено следующее:

1. При низком уровне ВП для мигрантов характерна большая выраженность признаков эмоционального неблагополучия, а также признаков наличия проблем в отношениях с другими людьми — чувства одиночества и дискриминации.

2. Вынужденные мигранты с низким уровнем ВП чаще опираются на destructive копинг-стратегии. Поддержку они скорее ищут у вторичных источников — у специалистов (врачей, психологов) или даже у случайных знакомых.

3. Гендерная специфика проявилась в том, что показатели благополучия в целом у мужчин выше, чем у женщин. По полу обнаружили различия и в субъективной эффективности копинг-стратегий: женщины при высоком уровне ВП опираются на помощь близких и восстановление посредством сна или прогулок, а при низком уровне ВП не опираются на помощь близких, но используют иные упомянутые копинги. Спорт, прогулки и просмотр новостей в интернете характерны для мужчин с высоким уровнем ВП, а мужчины при низком уровне ВП не демонстрируют опоры на конструктивные копинги, в связи с чем с большей вероятностью могут опираться на destructive копинги.

Результаты могут быть учтены при разработке программ адаптации и ресоциализации вынужденных мигрантов,

направленных на укрепление социальных связей, развитие коммуникативных навыков и конвенциональных копинг-стратегий.

Ограничения. Не контролировался объективный объем контактов с близкими. Хотя характеристики сети поддержки лишь умеренно связаны с воспринимаемой

поддержкой (Vicary et al., 2025), их вклад в выявленные связи требует уточнения.

Limitations. The actual extent of contact with close people was not controlled. Although support network characteristics are only moderately associated with perceived support (Vicary et al., 2025), their contribution to the observed associations requires clarification.

Список источников / References

1. Золотарева, А.А. (2020). Систематический обзор психометрических свойств шкалы депрессии, тревоги и стресса (DASS-21). *Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева*, 2, 26–37. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2020-2-26-37>
2. Золотарева, А.А. (2020). Systematic review of the psychometric properties of the Depression Anxiety and Stress Scales-21 (DASS-21). *V.M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*, 2, 26–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2020-2-26-37>
3. Корнеев, А.А., Кричевец, А.Н. (2011). Условия применимости критериев Стьюдента и Манна-Уитни. *Психологический журнал*, 32(1), 97–110.
4. Korneev, A.A., Krichevets, A.N. (2011). Conditions for Student's t-test and Mann–Whitney u-test application. *Psychological Journal*, 32(1), 97–110. (In Russ.).
5. Молчанов, С.В., Алмазова, О.В., Поскребышева, Н.Н. (2023). Связь образа мира у российской студенческой молодежи с опытом участия в волонтерской деятельности. *Культурно-историческая психология*, 19(1), 71–83. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190110>
6. Molchanov, S.V., Almazova, O.V., Poskrebisheva, N.N. (2023). Connection between the image of the world and volunteering experience among Russian students. *Cultural-Historical Psychology*, 19(1), 71–83. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190110>
7. Ушков, Ф.И., Шайгерова, Л.А., Долгих, А.Г., Алмазова, О.В. (2020). Воспитатели и психологи колоний как «значимые другие» для несовершеннолетних правонарушителей в период отбывания наказания. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 3, 88–119.
8. Ushkov, F.I., Shaigerova, L.A., Dolgikh, A.G., Almazova, O.V. (2020). Educators and psychologists in juvenile correction settings as “significant others” in the process of rehabilitation and re-socialization of convicts. *Moscow University Psychology Bulletin*, 3, 88–119. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/vsp.2020.03.05>
9. Шайгерова, Л.А., Букинич, А.М., Долгих, А.Г., Батышева, Т.Т. (2024). Психологическое благополучие и ресурсы матерей детей с расстройством аутистического спектра в ситуации вынужденной миграции. *Российский психологический журнал*, 21(3), 52–74. <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.4>
10. Shaigerova, L.A., Bukinich, A.M., Dolgikh, A.G., Batysheva, T.T. (2024). Psychological well-being and resources of mothers of children with autism spectrum disorder in forced migration. *Russian Psychological Journal*, 21(3), 52–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.3.4>
11. Шайгерова, Л.А., Долгих, А.Г., Ушков, Ф.И., Алмазова, О.В. (2019). Роль различных источников социально-психологической поддержки в субъективном благополучии несовершеннолетних, ожидающих решения суда в следственном изоляторе. *Прикладная юридическая психология*, 4, 39–49.

- Shaigerova, L.A., Dolgikh, A.G., Ushkov, F.I., Almazova, O.V. (2019). The role of various sources of socio-psychological support in the subjective well-being of minors awaiting a court decision in a pre-trial detention facility. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya = Applied Legal Psychology*, 4, 39–49. (In Russ.).
7. Шайгерова, Л.А., Алмазова, О.В., Долгих, А.Г. (2025). Психометрическая оценка русскоязычной версии многомерной шкалы воспринимаемой социальной поддержки (MSPSS). В: *Научно-методологические основы психологической помощи и междисциплинарного сопровождения ресоциализации, реабилитации и реадaptации ветеранов и участников боевых действий, членов их семей и других затронутых категорий населения: Международная конференция: сборник материалов* (с. 116–119). Москва: Издательство Московского университета.
 - Shaigerova, L.A., Almazova, O.V., Dolgikh, A.G. (2025). The Russian version of the Multidimensional scale of perceived social support psychometric evaluation. In: *Scientific and methodological foundations of psychological assistance and interdisciplinary support for resocialization, crisis and readaptation of veterans and participants in the areas, representatives of their families and representatives of other categories of the population: International conference: collection of materials* (pp. 116–119). Moscow: Publishing House of Moscow University. (In Russ.).
 8. Acoba, E.F. (2024). Social support and mental health: the mediating role of perceived stress. *Front. Psychol.*, 15, 1330720. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1330720>
 9. Baird, H.M., Webb, T.L., Sirois, F.M., Gibson-Miller, J. (2021). Understanding the effects of time perspective: A meta-analysis testing a self-regulatory framework. *Psychological bulletin*, 147(3), 233–267. <https://doi.org/10.1037/bul0000313>
 10. Böge, K., Karnouk, C., Hahn, E., Demir, Z., Bajbouj, M. (2020). On perceived stress and social support: depressive, anxiety and trauma-related symptoms in Arabic-speaking refugees in Jordan and Germany. *Frontiers in Public Health*, 8, 239.
 11. Cantril, H. (1965). *The pattern of human concerns*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
 12. Crawford, J.R., Henry, J.D. (2003). The Depression Anxiety Stress Scales (DASS): Normative data and latent structure in a large non-clinical sample. *British Journal of Clinical Psychology*, 42, 111–131. <https://doi.org/10.1348/014466503321903544>
 13. Dangmann, C., Solberg, Ø., Andersen, P.N. (2021). Health-related quality of life in refugee youth and the mediating role of mental distress and post-migration stressors. *Qual Life Res*, 30, 2287–2297. <https://doi.org/10.1007/s11136-021-02811-7>
 14. Diener, E., Oishi, S., Tay, L. (2018). Advances in subjective well-being research. *Nature Human Behaviour*, 2(4), 253–260. <https://doi.org/10.1038/s41562-018-0307-6>
 15. Doma, H., Tran, T., Rioseco, P., Fisher, J. (2022). Understanding the relationship between social support and mental health of humanitarian migrants resettled in Australia. *BMC Public Health* 22, 1739. <https://doi.org/10.1186/s12889-022-14082-z>
 16. Drake, L., Duncan, E., Sutherland, F., Abernethy, C., Henry, C. (2008). Time perspective and correlates of well-being. *Time & Society*, 17, 47–61. <http://doi.org/10.1177/0961463X07086304>
 17. Girardi, P., Modesti, M.N., Del Casale, A. (2023). Migrants and Mental Health: Equal Rights but Different Needs. *Psychiatry International*, 4(1), 45–47. <https://doi.org/10.3390/psychiatryint4010007>
 18. Fisher, J.E., Guha, A., Heller, W., Miller, G.A. (2020). Extreme-groups designs in studies of dimensional phenomena: Advantages, caveats, and recommendations. *Journal of abnormal psychology*, 129(1), 14.

19. Handiso, D.W., Boyle, J.A., Paul, E., Shawyer, F., Enticott, J.C. (2024). Gender disparity and post-traumatic stress disorder and elevated psychological distress in humanitarian migrants resettled in Australia: the moderating role of socioeconomic factors. *Epidemiology and Psychiatric Sciences*, 33, e60.
20. Khatiwada, J., Muzembo, B.A., Wada, K., Ikeda, S. (2021). The effect of perceived social support on psychological distress and life satisfaction among Nepalese migrants in Japan. *PLoS one*, 16(2): e0246271. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0246271>
21. Kryukova, T., Aripova, A. (2019). Perception of Importance of Emotional Support under Stress and Characteristics of Individual's Social Network. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16, 181–195. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-181-195>
22. Lakey, B., Orehek, E. (2011). Relational regulation theory: a new approach to explain the link between perceived social support and mental health. *Psychol. Rev.*, 118, 482–496. DOI:10.1037/a0023477
23. Leiler, A., Bjärtå, A., Ekdahl, J., Wasteson, E. (2019). Mental health and quality of life among asylum seekers and refugees living in refugee housing facilities in Sweden. *Social psychiatry and psychiatric epidemiology*, 54, 543551. <https://doi.org/10.1007/s00127-018-1651-6>
24. Levin, K.A., Currie, C. (2014). Reliability and validity of an adapted version of the Cantril Ladder for use with adolescent samples. *Social Indicators Research*, 119(2), 1047–1063.
25. Lewin, K. (1997). *Resolving social conflicts and field theory in social science*. American Psychological Association.
26. Lovibond, P.F., Lovibond, S.H. (1995). The structure of negative emotional states: Comparison of the Depression Anxiety Stress Scales (DASS) with the Beck Depression and Anxiety Inventories. *Behaviour research and therapy*, 33(3), 335–343. [https://doi.org/10.1016/0005-7967\(94\)00075-U](https://doi.org/10.1016/0005-7967(94)00075-U)
27. Pierce, K.D., Quiroz, C.S. (2019). Who matters most? Social support, social strain, and emotions. *Journal of Social and Personal Relationships*, 36(10), 3273–3292.
28. Renner, A., Jäckle, D., Nagl, M., Hoffmann, R., Röhr, S., Jung, F. et al. (2021). Predictors of psychological distress in Syrian refugees with posttraumatic stress in Germany. *PLoS one*, 16(8), e0254406. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0254406>
29. Russell, D.W. (1996). UCLA Loneliness Scale (Version 3): Reliability, Validity, and Factor Structure. *Journal of personality assessment*, 66, 20–40. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa6601_2
30. Scheim, A.I., Bauer, G.R. (2019). The Intersectional Discrimination Index: Development and validation of measures of self-reported enacted and anticipated discrimination for intercategory analysis. *Social Science Medicine*, 226, 225–235. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2018.12.016>
31. Seligman, M. (2011). *Flourish*. New York, NY: Free Press.
32. Thoits, P.A. (2011). Mechanisms Linking Social Ties and Support to Physical and Mental Health. *Journal of Health and Social Behavior*, 52(2), 145–161.
33. Vicary, E., Kapadia, D., Bee, P., Brooks, H. (2025). Mapping support systems: a cross-sectional examination of personal support networks, perceived support, mental health outcomes, and help-seeking behaviours among UK undergraduate students. *BMC Public Health*, 25(1), 3190.
34. Wilcox, R.R., Erceg-Hurn, D.M., Clark, F., Carlson, M. (2014). Comparing two independent groups via the lower and upper quantiles. *Journal of Statistical Computation and Simulation*, 84(7), 1543–1551. <https://doi.org/10.1080/00949655.2012.754026>
35. Zimet, G.D., Dahlem, N.W., Zimet, S.G., Farley, G.K. (1988). The multidimensional scale of perceived social support. *Journal of personality assessment*, 52(1), 30–41. http://doi.org/10.1207/s15327752jpa5201_2

Приложение / Appendix

Приложение А. Источники воспринимаемой социальной поддержки и связанные с ней групповые различия. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170303>

Appendix A. Sources of perceived social support and associated group differences. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170303>

Информация об авторах

Алексей Михайлович Букинич, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ); психолог 1-й категории, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБУ ВО МГУ); младший научный сотрудник, Научно-практический центр детской психоневрологии Департамента здравоохранения города Москвы (ГБУЗ НПЦ ДП ДЗМ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-4717>, e-mail: aleksey.bukinich@mail.ru

Людмила Анатольевна Шайгерова, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5056-550X>, e-mail: ludmila_chaiguerova@hotmail.com

Александра Георгиевна Долгих, кандидат психологических наук, заведующий лабораторией, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ); доцент, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБУ ВО МГУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8845-1575>, e-mail: ag.dolgikh@mail.ru

Ирина Викторовна Султанова, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Психология», Севастопольский государственный университет (ФГАОУ ВО СевГУ), Севастополь, Российская Федерация; научный сотрудник, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8306-4290>, e-mail: ivsultanova@sevsu.ru

Information about the authors

Aleksei M. Bukinich, Candidate of Science (Psychology), Senior Researcher, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research; 1st category psychologist, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Junior Researcher, The Scientific Research and Practical Center of Pediatric Psychoneurology of the Moscow Department of Healthcare, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0422-4717>, e-mail: aleksey.bukinich@mail.ru

Ludmila A. Shaigerova, Candidate of Science (Psychology), Senior Researcher, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5056-550X>, e-mail: ludmila_chaiguerova@hotmail.com

Alexandra G. Dolgikh, Candidate of Science (Psychology), Head of the Laboratory, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research; Associate Professor, Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8845-1575>, e-mail: ag.dolgikh@mail.ru

Букиннич А.М., Шайгерова Л.А., Долгих А.Г.,
Султанова И.В. (2026)
Роль воспринимаемой социально-...
Социальная психология и общество,
17(3), 33–51.

Bukinich A.M., Shaigerova L.A., Dolgikh A.G.,
Sultanova I.V. (2026)
The role of perceived social support in the psychological...
Social Psychology and Society,
17(3), 33–51.

Irina V. Sultanova, Candidate of Science (Psychology), Head of Department of Psychology, Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation; Researcher, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8306-4290>, e-mail: ivsultanova@sevsu.ru

Вклад авторов

Букиннич А.М. — аннотирование, написание и оформление рукописи; применение статистических методов для анализа данных; визуализация результатов исследования.

Шайгерова Л.А. — идея исследования; планирование исследования; написание и оформление рукописи.

Долгих А.Г. — идея исследования; планирование исследования; написание и оформление рукописи; контроль за проведением исследования.

Султанова И.В. — идея исследования; сбор данных.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Aleksei M. Bukinich — annotation, writing and design of the manuscript; application of statistical methods for data analysis; visualization of research results.

Ludmila A. Shaigerova — ideas; planning of the research; writing and design of the manuscript.

Alexandra G. Dolgikh — ideas; planning of the research; writing and design of the manuscript; control over the research.

Irina V. Sultanova — ideas; data collection.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Комиссией по этике научных исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований» (протокол № 1 от 23.04.2024 г.).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Ethics commission of Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research (report 1, 2024/04/23).

Поступила в редакцию 20.09.2025

Поступила после рецензирования 18.03.2026

Принята к публикации 14.09.2026

Опубликована 30.09.2026

Received 2025.09.20

Revised 2026.03.18

Accepted 2026.09.14

Published 2026.09.30